

Медальон

Рассказ

Это было в Баку лет пятьдесят назад. Мои сверстники помнят те времена. В просторном дворе, окруженном двухэтажными домами, жили люди разных национальностей. Двор некогда принадлежал бакинскому миллионеру, раскулаченному советской властью. После революции здесь поселились простые люди, или, как они с гордостью признавались, из рабочих. Впрочем, это дела давно минувших дней... Двор был излюбленным местом детских забав. Мальчишки соорудили себе футбольную площадку, крупные баталии приходились, как правило, на выходные. А в остальные дни площадка была в распоряжении девочек, предпочитающих волейбол. Шумные футбольные поединки дворовых команд вызывали большой ажиотаж. Поглядеть на это действо выходили едва ли не все соседи. – Ваня, пасуй! – Джабиш, не зевай! – Хача, штрафной! – Гога, пенальти! – Муся, пасуй назад, не мямли! – Гова, оглядись! – выкрикивали болельщики с балконов и раскрытых настежь окон. Команды были интернациональными: азербайджанцы, армяне, русские, лезгины, аварцы. Муся, Джабиш – азербайджанцы, Ваня и Дима – русские, Хача и Гова – армяне, Гога – грузин. Небольшой двор был своего рода Азербайджаном в миниатюре. Люди жили душа в душу, одной большой семьей. Дворовые ребята были не разлей вода, но Иван и Хачатур словно породнились – они встречались чуть ли не каждый день, вместе делали уроки, вместе ходили в школу и сидели за одной партой. Как-то классный руководитель рассадила закадычных друзей за болтовню на уроке. Жутко расстроившись, ребята приуныли в разлуке, пришлось даже вызывать родителей. Учились они неплохо. Ваня бойко изъяснялся по-азербайджански и по-армянски, Хачатур освоил русский, но по-азербайджански говорил

неохотно. Друзья понимали друг друга с полуслова. Их дружба была искренней, непритворной. Они и сами не помнили, как подружились. То ли их сблизила общность характеров, то ли некое родство, узы, соединившие двух школьников незримыми нитями. Иван и Хачатур вместе окончили школу, и вот настала пора взрослой жизни. И тогда друзья решили не разлучаться. Они приняли решение поступать в одно и то же высшее учебное заведение – в Военную академию им. М. В. Фрунзе. Родители не разделяли выбора сыновей, хотя испытывали гордость от осознания того, что они будут стоять на страже Родины. Но душу все же точило беспокойство... Настала пора прощаться. Проводить Ивана и Хачатура в Москву пришли друзья, родственники и соседи. На вокзале царила суета. Иван и Хачатур в сопровождении сверстников шумной ватагой влетели в купе. Ребята балагурили, шутили, и лишь пронзительный гудок, возвестивший об отбытии, разогнал их разудалую компанию. Вагон качнулся и тронулся, унося двух неразлучных друзей в новую, неизведанную жизнь. Иван и Хачатур высунулись из окна. На лицах родителей мальчиков читались тревога и беспокойство. 120 – Москва – большой город, там легко затеряться, держитесь вместе, помогайте друг другу... – Пришлите фото в военной форме, – кричали с перрона родители мальчишек. – Не общайтесь с незнакомыми девочками, мало ли... – прокричала вослед мама Хачатура – тетя Наири. Покраснев до ушей, молодые люди рассмеялись. – Ребята, в общежитии держитесь вместе. Спустя пару месяцев мы навестим вас, – сказал отец Вани – дядя Михаил. – Не волнуйтесь, все будет хорошо. – Как устроитесь, сообщите. Что понадобится, пришлем через знакомых, – назидал дядя Ованес. Провожатые желали юнцам доброго пути, атмосфера на перроне была пронизана волнением и щемящей грустью. Отец Джебраила и Мусы торопливо всучил в руки Ивана и Хачатура бутылки минеральной воды и лимонада. – Храни вас Бог! – надрывно выкрикнул он дрожащим голосом. Мерно покачиваясь и грохоча, поезд

отдалялся от перрона. – Да благословит вас Всевышний, возвращайтесь, справим свадьбу. – Спасибо, дядя, берегите себя! Увидимся-я-я! – крикнул Ваня, высунувшись из узенького окна купе. Вскоре гулкий стук колес затих, и люди стали расходиться... Вокзал смолк и приуныл... *** Иван и Хачатур устроились в общежитии при академии и постепенно осваивались в незнакомом городе. Два закадычных друга были, как и прежде, не разлей вода. В Москве их, не мудрствуя, называли бакинцами. В ту пору столица советской империи была авансценой политических перипетий и интриг. Сменилась власть, верхушку могучей державы лихорадило. Иван и Хачатур успешно окончили академию и заступили на службу в подмосковные части, расположенные неподалеку. В знак дружбы они обзавелись памятным медальонами. «Знать бы, что за таинственные зазнобы изображены на этих медальонах», – расплываясь в улыбке, подмигивали знакомые юношам. Отчего-то окружающие приписывали это делам сердечным. Вскоре тихая, размеренная жизнь сменилась тревогами. Новость по радио прозвучала, как гром среди ясного неба. Подскочив с кровати, Хачатур прибавил звук. Надрывный, трепещущий от волнения голос Мирзы Хазара пробирал до самых костей. «В армянском городе Гугарк 11 азербайджанских детей замуровали в трубе, предварительно бросив туда горящую, смоченную в мазуте, тряпку», – сообщало радио. Кровь отхлынула от лица Ивана, тотчас побелевшего, как полотно. – Неужели такое возможно? Разве человек способен на такое?! Хачатур поджал губы. Он сидел, не шелохнувшись, будто ловил каждое слово переданной по радио сводки. Иван бросил на него взгляд, полный негодования. Он ждал поддержки от друга, но тот словно в рот воды набрал. «Хмм», – процедил Хачатур спустя некоторое время. Быстро одевшись, друзья выскочили за порог. Новость уже разлетелась по воинской части. Все наперебой говорили о массовом изгнании азербайджанцев из Армении. Сослуживцы расспрашивали Ивана и Хачатура, узнавая, как на

самом деле обстоят дела. Вдали от родной стороны Иван пребывал в неведении и замешательстве. Он пытался убедить себя в том, что все это происки бандитской шайки, и вскоре жизнь вернется в прежнее русло. В воздухе витало напряжение. Хачатур задумчиво молчал. Как отрешенный дух, бродил он и все время словно что-то прикидывал. Невидимая грань пролегла между приятелями. Со временем люди перестали удивляться изливаемым радио чудовищным по своей жестокости новостям. Всё в одночасье стало обыденным, люди словно свыклись с действительностью. Такова природа людская! Хачатур молчал днями напролет, всё думал о чем-то своем. Иван чувствовал, что друг всячески избегает разговора с ним. – Хача, о чем ты все время думаешь? – спросил однажды Иван напрямик. Хачатур сидел, уронив голову на руки. Слово пробудившись от сна, он неспешно перевел взгляд на друга. – Да так, переживаю за родителей, – вздохнул Хачатур с сожалением. Иван удивился беспокойству друга, поскольку знал, что Хачатур недавно справлялся о здоровье родителей, к тому же его семье жилось в Баку хорошо и вольготно. Отец Хачатура работал начальником ЖЭКа. – Знаешь, Иван, азербайджанцы массово покидают Армению, и это надолго. К тому же они озлоблены, так что рано или поздно в Баку начнутся беспорядки, – сказал Хачатур и снова замолк. Ивана покорило от слов друга. Он заметил, что Хачатур старательно избегает слова «изгоняются», будто азербайджанцы покидали насиженные места по доброй воле. Иван почувствовал, что Хачатур намеренно замалчивает истинное положение дел. – Посуди сам, – произнес, наконец, Иван, прервав нависшее молчание, – каково это вдруг оказаться без крова, быть изгнанниками на своей земле. Так не должно быть. Не беспокойся, государство непременно что-нибудь предпримет... – Что ты заладил, государство, государство... Хачатур прикусил губу. Слова «Родина» и «изгнанники», казалось, пролетели мимо него. – Когда это государство решало что-то в пользу армян? – гневно выпалил Хачатур.

Иван удивленно приподнял бровь. Два друга были офицерами Советской армии, которым день ото дня внушали мысль о великой Советской отчизне. Слова Хачатура задели Ивана за живое, он никак не мог понять, чем продиктована неожиданная агрессия его друга. – Не надо так, Хача, – несколько смягчился Ваня, глядя на взъерошенного от злости Хачатура. – Как же не говорить?! – гневно возразил Хачатур. – Я очень переживаю. Если Баку всколыхнется, случится страшное ... – Как быстро запомнил ты доброе отношение к нам азербайджанцев. Даже если мир слетит с катушек, азербайджанцы никогда не поднимут руку на армян, такое просто невозможно. Хачатур уставился на Ивана. В глубине его глаз читалась лютая ненависть. Он недовольно мотнул головой, не проронив ни звука. В комнате воцарилась звенящая тишина. Сокрушенный словами друга, Иван побрел к своей кровати. – Послушай, Ваня, как ты думаешь, что превыше: национальные чувства или государственные интересы? – Хача, у тебя и вправду память коротка. Ты же окончил академию на отлично, а не помнишь, что мы не лезем в политику. Национальные интересы вообще не про нас, мы – солдаты страны, стоящие на страже интересов государства. Иван говорил, чеканя каждое слово, так что возражений быть не могло. Хачатур потирал лицо, нервно теребил нос, с нетерпением ожидая окончания тирады своего товарища. – Я тебя понимаю, Иван, – процедил он. Впервые за многие годы он обратился к другу детства по имени. 122 – Ну, вот и прекрасно, – облегченно вздохнул Иван, полагая, что неприятный разговор окончен. Но Хачатур не унимался. – Дорогой друг, хорошо бы, чтобы национальные и государственные интересы совпадали. Но, выбирая между тем и этим, нужно, не колеблясь ни минуты, следовать национальным интересам. Иван хотел было возразить, но осекся. Хачатур витал в иных измерениях, и вернуть его с небес на землю казалось делом немыслимым. Тем не менее, Иван, набравшись терпения, произнес: – Дорогой Хача, государство – основа

общества, не будь его, все перевернется. – Ладно, ты прав, – сказал Хачатур. – Давай есть, не знаю, как ты, а я голоден. Стоял 1991 год. Могучая советская империя рухнула. Улучив момент, армяне взялись за осуществление своих коварных планов, вынашиваемых многие годы. Беда вновь постучалась в двери азербайджанцев. Их преследовали, вырезали, массово депортировали... Советское информбюро предательски молчало. В надежде услышать хоть какие-то вести Ваня и Хачатур включали радио «Свобода», где Мирза Хазар надрывным голосом передавал чудовищные сводки, раскрывающие масштаб совершаемых армянами преступлений. «Сегодня армяне привязали отца к дереву и на глазах у маленькой дочери заживо сожгли его. Господи, да это же нелюди!» – чуть не плакал ведущий. Ваня понимал, что на Родине происходит что-то ужасающее, не укладывающееся в понимание здравомыслящего человека. От обиды и злости он накрылся с головой в одеяло и выругался. События вокруг Нагорного Карабаха разрастались подобно снежной лавине. Вооруженные до зубов армянские головорезы один за другим захватывали азербайджанские районы, чиня убийства, мародерничая. Апогеем этой немыслимой жестокости и варварства стала Ходжалинская резня. Кровь стыла в жилах от фотохроники этой трагедии. Ситуация принимала необратимый характер. Ваня не мог поверить, каким образом горстка армян может оккупировать весь Карабах, ведь очевидно, что им было это не под силу. Чем больше думал Иван об этом, тем яснее и очевиднее ему все становилось. Оккупантам явно покровительствовали, причем на высоком уровне. День и ночь думал Иван о Родине. Огонь, охвативший Азербайджан, полыхал в его трепетном сердце... После долгих раздумий Иван решил вызвать Хачатура на откровенный разговор. – Хача, тебе ведь известно, что происходит в Азербайджане. – Ну, известно, и дальше что?! – То есть как? Ты хочешь сказать, что тебе безразлично? Мы же родом из Азербайджана. Эта земля воспитала нас.

Сейчас наша Родина в беде, а мы отсиживаемся здесь, в Москве... – пылко произнес Иван и, взглянув на надменное выражение лица Хачатура, осекся. – Какое тебе дело, что ты лезешь везде, ты – русский, не азербайджанец же, зачем тебя это так заботит? – гневно выпалил он. – Брат, – по-детски наивно начал было Иван, – Азербайджан – Родина моего отца и деда, мои предки многие годы жили на этой земле. Вы тоже когда-то обосновались в Баку и жили здесь, как у Христа за пазухой. А вспомни наш двор... – Ну и что?! Тогда был Советский Союз. Теперь каждый сам по себе. – Ладно, ты, я смотрю, уперся, как знаешь! Только хорошее забывать нежеже! – сказал Иван. Хачатур хмыкнул и недовольно скривил рот. – Я куплю билет в Баку и поеду домой, – прервав нависшее молчание, продолжил Иван. 123 В тот же день пути-дороги двух закадычных друзей разошлись – один отправился в Баку, а другой – в Иреван. Иван мечтал поскорее добраться до родной стороны и, созерцая из окна своего купе бескрайние русские степи, думал о Баку и семье... *** Когда 23-летний Иван Пантелеев появился у себя во дворе в мундире старшего лейтенанта, казалось, все вокруг озарилось счастьем. Первой его встретила тетя Мясьма. Соседи высыпали из домов. Новость о возвращении Ивана вмиг разлетелась по окрестностям. – Свет глаз моих, сынок, как ты возмужал, окреп, стал настоящим мужчиной, – глаза тети Мясьмы лучились радостью. Она обняла Ваню, притянула к себе и поцеловала в обе щеки. – Люба, Люба, Ваня вернулся. Наш маленький Ваня. Полюбуйся, каким он стал! А погоны какие, светятся ярче звезд на небе! Соседи обнимали и целовали Ивана. Наконец, кое-как вырвавшись из их объятий, он взял под руку мать и вошел в дом. Только здесь Иван позволил себе расчувствоваться. Он бросился в материнские объятия и разрыдался от счастья. – Сынок, а где же Хачатур? – утерев слезы, наконец, спросила мама Ивана. – Он решил остаться в Москве. У него там зазноба, одним словом, лучше не спрашивай... А где дядя Ованес и тетя Наири? – Они теперь не Ованес и Наири, а Хафиз и Наиля, – усмехнулась

мама Ивана. Иван поначалу оторопел, но потом прыснул смехом. – А, ну понятно, боятся... – Боятся, не без этого. – А чего боятся-то, они же ни в чем не виноваты... – Ваня, Ваня, ты же всего не знаешь, армяне такое натворили, не скоро все наладится... – Что произошло? Расскажи, прошу... – В армян словно бес вселился, они массово изгоняют азербайджанцев из Армении, убивают, творят невесть что! Несчастные азербайджанцы, брошенные на произвол судьбы, спасаются как могут от рук этих головорезов. А теперь эти изверги замахнулись на Нагорный Карабах. Там льется кровь, сынок, азербайджанцев насильственно выдворяют из родных краев. Армяне захватывают район за районом, лишая людей крова... Отец Ивана сокрушенно вздохнул. – Ну что ты завелся, дай ребенку хоть в себя прийти с дороги! – возмутилась мать Ивана, разгневавшись на мужа. – А, ну да, сынок, я как-то не подумал. Послушай, давай позавтракаем, попьем чайку, а потом и потолкуем. Ты, наверное, устал с дороги. Отдохни пока, вечером поговорим. Это долгая история, так сразу и не расскажешь. Видно, армяне давно вынашивали эти коварные планы, не иначе... Семья села за стол, счастьем родителей не было предела. А потом отец Ивана решил поинтересоваться планами сына. – Скажи, сынок, чем ты намерен заняться? Должно быть, вернешься в Москву, да? – Нет, зачем же?! – А что ты здесь будешь делать? – Отец, ты же сам говорил, что идет война. Я пойду на фронт. – Но, сынок, – еле выговорила мать Ивана Людмила и замерла. Поднос со стаканами чуть не выпал из ее рук. – Ты не осознаешь всего ужаса. Одумайся, прошу тебя. Там резня, понимаешь, резня. Тебе там не место, пойми... 124 Иван гневно замотал головой. – Мама, как ты можешь говорить такое?! Разве не на этой земле мы жили столетиями бок о бок с азербайджанцами? Разве не эта земля вскормила и вырастила нас?! Разве азербайджанцы когда-то относились к нам, как к чужакам?! Что же сейчас! Наша хата с краю?! На нашей земле льется кровь, гибнут наши соотечественники, а мы будем отсиживаться в теплых домах?! Родители

Ивана молча опустили головы, не найдя, что возразить. – Зачем я обучался военному ремеслу столько лет? Я не намерен сидеть сложа руки, когда люди гибнут на войне. Как мы потом будем смотреть в глаза нашим соседям-азербайджанцам?! Скажите! – Сынок, ты прав, конечно, – сказал отец Ивана, – но позволь нам подумать, может, удастся подыскать нечто иное. – Ничего подыскивать не надо, я уже все решил. Я отправлюсь прямо на передовую. Пять лет я обучался военному делу, вот и применю свои знания. Видели, как обрадовалась тетя Мясьма, увидев меня?! Понурился, мать Вани ушла на кухню. Обернувшись, она бросила взгляд, полный отчаяния, на своего мужа, но тот подернул плечами, мол, что я могу поделать... Иван ворочался всю ночь. Едва он закрывал глаза, перед ним возникало молящее лицо матери. Печальные взгляды матери не позволяли Ивану, рисовавшему в своем воображении места будущих сражений, мысленно добраться до поля боя. Только он во главе войска шел на врага, как руки матери обвивали его, точно путы. Порой он мешкал и колебался, но сомнения, подкравшиеся подобно незримому противнику, тотчас покидали его. Вернее, он гнал их прочь от себя. «Если я не преодолею свои опасения, поражение неминуемо», – повторял себе Иван, точно мантру. Наутро он проснулся ни свет ни заря. За завтраком Иван старался не смотреть на родителей, словно опасался сдаться перед молящими взглядами матери. ...В комиссариате его окинули скептическими взглядами, оглядели с ног до головы, а не ошибся ли этот молодой человек адресом. Но Иван решительно глядел перед собой. В военкомате ознакомились с его документами, прочитали биографию, написанную на русском языке. После этого подозрения сотрудников комиссариата сменились удивлением. Им показалось странным, что русский паренек вызвался на фронт добровольцем, в то время, как русские всячески помогали армянам. И уж совсем им было невдомек, почему, оставив теплое местечко в Москве, этот странный парень приехал в самое горнило, где на каждом шагу его

подстерегала смерть. Он вернулся в Азербайджан и собирался воевать за Карабах. Военком набрал номер начальника Генштаба и подробно рассказал о юном добровольце. «Да, товарищ генерал, конечно. Вы правы, товарищ генерал, это пример истинного патриотизма. Конечно, похвально, товарищ генерал. Вы совершенно правы», – услышал Иван обрывки разговора военкома с генералом Салимбейли. Ивана препроводили к генералу, пожелавшему лично переговорить с новобранцем. Поздоровавшись, генерал Салимбейли подошел к карте, висевшей на стене, и вкратце рассказал юному офицеру о ситуации на фронте. – Юноша, вот здесь Агдам, а это окрестные села. Путь к ним пролегает у подножия Хачынтепе. Это – стратегический пункт. Наши костыми лягут, но не отдадут его армянам. Но силы не безграничны, наши ряды редуют, поэтому тебе нужно подоспеть вовремя. Сегодня ночью туда будут перекинута боеприпасы и живая сила. Эту операцию я поручаю тебе. Вам придется пробираться через армянские засады. Тебя будет сопровождать толковый проводник, можешь полностью ему доверять. Армяне готовятся к штурму. Вероятно, завтра утром они перейдут в наступление. Вам нужно добраться туда и укрепить оборону. В добрый путь, сынок!

125 Иван внимательно выслушал боевую задачу. Он уже представлял место высадки, линию обороны и предстоящее сражение. Генерал Салимбейли горячо пожал руку Ивану. «Служу Азербайджану», – отчеканил юный офицер. Оглядев выправку Ивана, его гордую, уверенную статью, генерал вспомнил годы своей службы. Иван стоял пунцово-красный от напряжения. Что-то подумав про себя, генерал усмехнулся и потрянул головой. Он проводил Ивана до дверей и попрощался. В ту же ночь Иван добрался до пункта назначения. Разведчик, отправленный полковником Джалиловым, встретил Ивана и рассказал о расположении противника. ... Оставшийся отрезок до Хачынтепе солдаты прошли пешком. Они уверенно действовали при лунном свете, что весьма обрадовало Ивана. Он окидывал взглядом местность, думая,

как лучше выстроить оборону. Иван дал указания, и солдаты заняли свои позиции. «Внимательно следите за действиями противника, не упускайте из виду друг друга. Раненые должны быть тотчас заменены, бреши в обороне быть не должно», – скомандовал Иван. Оборона была выстроена, и солдаты стали дожидаться наступления утра. На рассвете противник перешел в наступление. «Готовсь!», – скомандовал Иван, – Все на позиции! Не стрелять! Подождем, пока подойдут поближе». Иван невозмутимо следил с макушки холма за движением противника. «У-рр-рр-а-а», – крикнули армяне и кинулись в атаку. И вдруг раздалась очередь, армянские солдаты в первых рядах упали, как подкошенные. Изрыгая ругательства и проклятия, армяне попятились назад. – За ночь им подоспела помощь. Мы прошляпили! Эй, чего встали, вперед! Не щадите пуль! Бейте собак! – истошно вопил армянский офицер, голос которого показался Ивану знакомым. – Держим оборону! Не зевайте! Стрелять только в случае приближения противника, – невозмутимо скомандовал Иван. Армянский командир горланил приказы и суетился. Вдруг вражеский отряд бросился в атаку. – Сложите оружие, вы в окружении! Голос армянского командира раздавался где-то совсем вблизи. И тут Иван сумел разглядеть его лицо. Это был Хачатур. Друг его детства, с которым были они не разлей вода. Тот самый Хача. Забыв обо всем, Иван встал во весь рост. Лицо его расплылось в улыбке. – Хача, это ты?! Чувства нахлынули на Ивана, и он совершенно забыл об опасности. Хачатур удивленно глядел на своего друга, было очевидно, что он несколько не рад этой неожиданной встрече. Иван распростер объятия и двинулся на Хачатуру. Тот замер на мгновение, очевидно, решая, как поступить. Два командира стояли друг напротив друга к удивлению солдат. Воцарилась кромешная тишина. Иван шел по направлению к Хачатуру, а тот стоял, обуреваемый гневом. Вдруг Хачатур, громко выругавшись, выхватил автомат и изрешетил тело своего друга. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Иван глядел на своего друга лучистыми

глазами, в глубине которых читался немой вопрос. Он рухнул на землю, как срубленное молодое дерево. Его угасающий разум рисовал невероятные картины. Хачатур казался ему ядовитой змеей, обвившей его ноги. Змея ползла по телу Ивана и впилась зубами в его горло. Свет померк в глазах Ивана. Хачатур стоял над телом друга и словно наслаждался его предсмертной агонией... Его подлое сердце – сердце предателя переполняла ненависть... 126

*** Эту историю рассказал мне мой давний приятель, Михаил, родственник Ивана. Мы давно водили дружбу с Михаилом, так что наши приятельские отношения с этим русским пареньком, как говорится, прошли сквозь годы и лихолетья. Он был родом из Баку, а я – из глухой деревушки на юге. Судьба свела нас после студенческой скамьи, на пороге взрослой, самостоятельной жизни. Он довольно бойко щебетал по-азербайджански. Для меня это был просто Миша. Много общего было между нами – Миша как-то сразу располагал к себе доброй, пересыпанной шутками, искренней речью. После общения с ним на душе становилось светло и радостно. Когда жизнь сгущала краски, насылая заботы и печали, вдруг откуда ни возьмись, раздавался звонок, и на том конце трубки доносился жизнерадостный голос Миши, спешившего поделиться свежим анекдотом. Как правило, героями его баек были лукавый, коварный армянин и наивный, простодушный Ванька. Армянин вечно выставлял русского в неприглядном свете, и тот, раскусив происки подколодного, журил и приговаривал: «Ну и подлец же ты!» Только отгремели зарницы, еще были свежи воспоминания о войне. В те дни, когда радость освобождения наших земель омрачала горечь утраты бойцов, мне довелось совершенно случайно повстречаться с Мишей на бульваре. Его лицо словно заволкли тучи. Мой словоохотливый друг, не похожий сам на себя, стоял, не шелохнувшись. В глубине его глаз застыла печаль. Я тотчас понял, что произошло нечто серьезное. – Дружище, ты чем-то расстроен? Что случилось? Никогда прежде я не видел тебя таким грустным...– осторожно

поинтересовался я. Миша молча протянул руку, мы поздоровались. – Нашли, – наконец прервал он нависшее молчание. – Спустя 28 лет обнаружили. В какой-то яме валялись истлевшие кости скелета. Опустили по медальону на шее. – Что ты такое говоришь, кого нашли, Миша? Какой еще медальон? – Да, опознали по медальону. На лицевой его стороне была фотография моего родственника Вани, а на обратной – памятное фото его друга. Видимо, медальон оказался герметичным. Миша потянулся в нагрудный карман, достал медальон, висевший на тоненькой цепочке, и неохотно протянул его мне. Он нажал на защелку медальона, и на одной его стороне показалась фотография красивого, статного молодого человека. – Это Иван Пантелеев, – пояснил Миша. А на обратной стороне медальона была фотография Хачатура. Выходит, Иван хранил в своем медальоне фото друга детства. Я глядел на фото молодого, полного жизни Ивана и думал о коварстве и предательстве, сокрушался несправедливости жизни. Лицо Ивана будто говорило: «Предателю никогда не стать другом». Жаль, что доверчивый, простодушный Ваня понял это слишком поздно...

Февраль, 2021 год